

Проект манифеста большинства членов совета министров *).

Божиею милостию,

мы, Николай второй, император и самодержец
всероссийский,

царь польский, великий князь финляндский и прочая
и прочая, и прочая.

Объявляем всем верным нашим подданным.

В непрестанных заботах об устройении богом вверенной нам державы Российской, царственная мысль наша издавна обращалась к грядущим судьбам единокровных русскому народу поляков.

С самого начала настоящей беспримерной войны жестокие удары немецких полчищ обрушились на польские наши губернии. Под тяжелым гнетом исконного врага всего славянства народ польский доблестно и стойко нес и продолжает нести свой долг перед общим нашим отечеством, являя в грозную для славянского дела годину непреложное доказательство братского единения с русским народом.

В державных заботах об устройении грядущих судеб дорогой нашей родины, царственная мысль наша издавна обращалась к единокровным русскому народу полякам, находящимся ныне под властью германцев, искони враждебных всему славянству.

С самого начала настоящей беспримерной войны наиболее тяжкие удары неприятельских полчищ обрушились на польские наши губернии, население коих доблестно и стойко несло и продолжает нести свой долг перед общим нашим отечеством, являя тем непреложное доказательство прочного братского единения народа польского с русским.

Тем окончательнее укрепились в сердце нашем решимость возродить под скипетром российским Польшу в составе губерний Варшавской, Калишской, Келецкой, Ломжинской, Люблинской, Петроковской, Плоцкой и Радомской

*) Дело Чрезв. Следств. Ком. о Польше, л. 73.

и части Сувалкской губернии, с преобладающим польским населением, а равно и тех населенных польским народом местностей, кои промыслу господню угодно будет вверить державному обладанию нашему,—Польшу, свободную в вере, языке и самоуправлении.

Такое намерение наше было впервые возведено бывшим верховным главнокомандующим войсками нашими великим князем Николаем Николаевичем и подтверждено засим по повелению нашему в государственном совете и государственной думе председателем совета министров. Последовавшее, однако, временное отступление войск наших из пределов Царства Польского замедлило осуществление предначертаний наших об автономном устройстве Польши.

Но тяжелая година, по милости божией, миновала. Дружная работа всех верных сынов России снабдила армию нашу всем необходимым, и ныне доблестные войска российские с новою силою теснят врага, озаряя знамена своим блеском победы. Долог еще и труден их бранный путь, но враг будет сломлен.

В этот исторический час наступающего возмездия германцам и их союзникам признали мы за благо непосредственно императорским словом нашим торжественно закрепить даруемую нами народу польскому широкую свободу строения его внутреннего быта, с сохранением единой для народов русского и польского государственности, как наилучшего залога их дальнейшего благополучия.

Составляя и впредь нераздельную часть государства Российского и управляемая во всех делах общегосударственных едиными для России законами, учреждениями и властями, да получит объединенная Польша свободу внутреннего устройства, осуществляемого местными ее законодательными установлениями, действующими в единении с нами.

Храня нерушимою полноту нашей власти управления во всем ее объеме и в отношении внутренних дел края, предопределяем мы приводить ее в сих делах в исполнение чрез наместника нашего и местные установления Царства Польского.

Вместе с сим, местным польским судебным установлениям предоставлено будет творить правосудие именем нашим. Для охранения незыблемости сих начал постановляем, что никакое изменение их не может быть предпринято без нашего почина.

Совет министров не преминет в ближайшем времени завершить предначертанную нами разработку, для представления на законодательное утверждение наше, проекта учреждения Царства Польского.

С тем вместе, повелеваем подчинить Царство Польское по мере занятия его войсками нашими, взамен установленного по действующему закону гражданского в нем управления, временному управлению, на основаниях, кои будут особо от сего нами преуказаны в соответствии с возведенными выше началами.

Такова наша воля.

Да благословит господь ратный подвиг воинства нашего и да ускорит тем всевышний время возрождения об'единенной Польши на радость нашу и во славу державы Российской!

Дан в в день в лето от рождества христова тысяча девятьсот шестнадцатое, царствования же нашего двадцать второе.

24.

Всеподданнейший доклад Штюрмера Николаю Романову в июле 1916 года *).

Вашему императорскому величеству всеподданнейшим долгом приемлю представить, что проект манифеста о высочайшей милости польскому народу окончен обсуждением в совете министров 18 сего июля.

Всемиловитейшим произволением вашего императорского величества польскому народу непосредственно с высоты престола даруется автономия.

В основу манифеста положены не начала союзного договора, на которых были построены проекты манифестов, выработанных бывшим министром иностранных дел, а также государственным секретарем, а начала областной автономии.

Во избежание ходатайств иных национальностей, также пострадавших от войны, о предоставлении и им каких-либо милостей в области самоуправления, в проект манифеста включено упоминание о принадлежности поляков к общей славянской семье.

Основные начала будущей польской автономии изложены в проекте в кратком и сжатом виде, принимая во внимание,

*) Дело Чрезв. След. Ком. о Польше, л. 83. Над текстом надпись чернилами от руки: „Отослано в царскую ставку 19 июля 1916 г“.

что все подробности, на разработку которых потребуется не мало времени, будут установлены и могут быть обнародованы особым актом.

Проект журнала совета министров вместе с особыми мнениями, представленными отдельными министрами, разрабатывается и на ближайших днях будет представлен на благовоззрение вашего императорского величества.

25.

Шифрованная телеграмма Штюрмера на имя Николая Романова *).

Его императорскому величеству государю императору.

В царскую ставку.

По повелению ее величества, сегодня имел счастье видеть государыню императрицу; утром принимала графа Велепольского, приказала довести до сведения вашего величества просьбу задержать разрешение польского вопроса до приезда ее величества в ставку.

Председатель совета министров *Штюрмер*.

26.

Показания, данные кн. С. Е. Любомирским Чрезвычайной Следственной Комиссии **).

Протокол.

1917 года, октября 24-го дня, в Петрограде наблюдающий за производством следственных действий в Чрезвычайной Следственной Комиссии Ю. Г. Берлянд в присутствии ее председателя Н. К. Муравьева опрашивал нижепоименованного, который показал:

Князь Станислав Евгеньевич Любомирский, 42 лет, проживаю в Петрограде, по Моховой ул., д. № 5, телеф. 215-70.

*) Расшифрована Чрезв. След. Комиссией для расследования противозаконных по должности действий бывш. министров и прочих высших должностных лиц. Дело о Польше Чрезв. Сл. Ком., л. 84. Копия заверена Н. Нахимовым. К копии приложена подлинная шифрованная телеграмма, подписанная председателем совета министров Штюрмером. На телеграмме имеется оттиск печати председателя совета министров.

**) Дело Чрезв. Сл. Ком. о Польше, л. 515.

Я представил бывшему императору Николаю II две записки по польскому вопросу: одну в мае месяце 1916 г., а другую—в сентябре того же года; в обеих записках я указывал на настоятельную необходимость издания государственного акта об устройстве Польши. Первую записку я составил по просьбе великого князя Бориса Владимировича, который отвез ее в ставку. Предъявляемый вами мне документ представляет копию этой записки (была представлена копия записки князя Станислава Любомирского от 17 мая 1916 г. с имеющейся на ней собственноручной отметкой Б. В. Штюрмера: „с записки князя Любомирского, представленной им его императорскому величеству и государем императором мне переданной в царской ставке 21-го мая 1916 года.—Б. Ш.“). Вторую записку я представил через графа Адама Замойского, который мне говорил, что отвез ее бывшему государю, при чем последний якобы назвал ее интересным документом и спрятал в ящик своего письменного стола. На ваш вопрос, при каких обстоятельствах была составлена мною вторая записка, показываю следующее. Я составил ее, возвратившись в августе месяце 1916 г. из Бухареста в Петроград. В Варшаве, после ее занятия австро-германскими войсками, я оставался несколько месяцев. Зная, что граф Владислав Иосифович Велепольский очень интересуется польским вопросом и принимает активное участие в попытках разрешить его, я пожелал узнать мнение графа о моей записке, тем более, что многократно беседовал с ним на затронутые в ней темы. Графа Велепольского я не застал дома, так как он уехал на несколько дней из Петрограда, а так как я тоже должен был выехать по срочным делам в Москву, то оставил мою записку графу для просмотра. Вернувшись в Петроград, я застал письмо графа с подробным изложением его соображений по поводу этой записки. Когда вскоре после этого я посетил графа, меня поразила значительная, граничившая с отчаянием, перемена, которую я заметил в его взглядах на будущее Польши. После продолжительного разговора я узнал от графа, что в июле месяце 1916 г., в то время, когда я находился в Бухаресте, граф был приглашен в ставку, где бывший император долго беседовал с ним по польскому вопросу. По словам графа, он провел с бывшим императором все утро, в течение которого они подробно обсуждали проект разрешения польского вопроса. Потом граф был приглашен к обеду, после которого обсуждение проекта продолжалось еще довольно долго. Какой именно это был проект и кто был его

автором, я не знаю.—Из разговора с бывшим императором граф Велепольский вынес убеждение, что польский вопрос поставлен как нельзя лучше, и, прощаясь с бывшим императором, он был уверен, что в течение нескольких ближайших дней будет опубликован первостепенной важности государственный акт о будущем устройстве Польши; неразрешенными оставались лишь второстепенные детали проекта, который в принципе встретил полное сочувствие и одобрение со стороны бывшего императора. При прощании последний обратился к графу Велепольскому с предложением представить этот проект императрице, т. к. он, бывший император, желал бы, чтобы она была ознакомлена с этим делом, добавив, что она умная женщина, и он советуется с ней по всем вопросам. Приехав в Петроград, граф Велепольский был принят бывшей императрицей в продолжительной аудиенции и подробно изложил весь проект.—Во время его обсуждения граф ясно чувствовал почти нескрываемую недоброжелательность бывшей императрицы к какому-либо попыткам разрешить польский вопрос. Императрица, между прочим, спросила графа, будет ли счастлив наследник, если Польша получит права, и заметила, что если дать права Польше, то придется сделать то же самое в отношении Курляндии и других областей России. Уходя от императрицы, граф был, по его словам, глубоко убежден в том, что проект об устройстве Польши не будет осуществлен. Ожидаемый государственный акт, в самом деле, не был опубликован. Я хорошо знаю, что граф Владислав Велепольский стремился всей душой и всеми силами к разрешению польского вопроса, которое, по его глубокому убеждению, могло быть осуществлено лишь монархом. Поэтому неудача, которую граф потерпел с указанным проектом, была вместе с тем крушением всех надежд графа, всего его политического мирозерцания, веры всей его жизни, что отразилось, по-моему, катастрофически на его душевном состоянии. Он потерял весь свой оптимизм, которым всегда отличался наряду с обожанием бывшего императора, всю веру в светлое будущее Польши и, став пессимистом, отстранился от всякой общественной деятельности. Я уверен, что эти внутренние потрясения не остались без влияния и на здоровье графа, которое с тех пор сильно пошатнулось. Тотчас после указанного выше разговора с графом я вынес это убеждение из всего того, что он мне рассказал, и из того, как он изменился наружно по сравнению с тем моим посещением, которое предшествовало означен-

ной встрече. На ваш вопрос, рассказывал ли граф Владислав Велепольский кому-либо, кроме меня, о посещении им бывшей императрицы, о котором я показал выше, отвечал, что, насколько мне известно от самого графа, он скрывал это посещение даже от своего родного брата, графа Сигизмунда Велепольского. Я объясняю скрытность графа Владислава Велепольского в связи с означенным посещением бывшей императрицы теми чувствами, какие он питал к ее супругу. Отношение графа к последнему было глубоко дружественное, основанное на сильном чувстве любви и преданности, доходившем до обожания. Должен сказать, что я знал об этом отношении уже давно по рассказам самого графа, всегда удивлялся, так как мне лично оно непонятно. На ваш вопрос, как отнесся граф Владислав Велепольский к моему намерению представить записку по польскому вопросу, отвечаю, что он горячо просил меня осуществить это намерение, и записка была представлена мною после его одобрения. На ваш вопрос, точно ли я помню месяц июль 1916 г. в связи с обсуждением проекта о Польше в ставке бывшим государем совместно с гр. Велепольским, — отвечаю, что помню это точно, так как из разговора с гр. Велепольским я вывел заключение, что обсуждение проекта происходило тогда, когда я был в Бухаресте, а в Бухаресте я был в июле месяце 1916 г. Кроме того, сам граф в своем рассказе указал этот именно месяц, добавив, что б. императрицу он посетил через несколько дней после обсуждения проекта б. императором в ставке. Копию представленной мне второй записки по польскому вопросу, заверенную моею подписью, передаю вам для приобщения к настоящему протоколу. Показание мне прочитано, записано оно правильно.

Станислав Евгеньевич кн. Любомирский.

Наблюдавший за производством след. действ. Ю. Берлянд.

V.

27.

Приказ армии и флоту 12 декабря 1916 года № 870 *).

Среди глубокого мира, более двух лет тому назад, Германия, втайне издавна подготовлявшаяся к порабощению всех народов Европы, внезапно напала на Россию и ее верную союзницу Францию, что вынудило Англию присоединиться к нам и принять участие в борьбе.

Проявленное Германией полное пренебрежение к основам международного права, выразившееся в нарушении нейтралитета Бельгии, и безжалостная жестокость германцев в отношении мирного населения в захваченных ими областях понемногу объединили против Германии и ее союзницы Австрии все великие державы Европы. Под натиском германских войск, до чрезвычайности сильных своими техническими средствами, Россия, равно как и Франция, вынуждены были в первый год войны уступить врагу часть своих пределов, но эта временная неудача не сломила духа ни в наших верных союзниках ни в нас, доблестные войска мои. А тем временем путем напряжения всех сил государства разница в наших и германских технических средствах постепенно сглаживалась. Но еще задолго до этого времени, еще с осени минувшего 1915 года, враг наш уже не мог овладеть ни единой пядью русской земли, а весной и летом текущего года испытал ряд жестоких поражений и перешел на всем фронте от нападения к обороне.

Силы его, видимо, истощаются, а мощь России и ее доблестных союзников продолжает неуклонно расти. Гер-

*) Сборник приказов и циркул. о личн. составе чин. флота и морск. вед. 1916 г. № 45. Дело канц. совета министров об устройстве Польского края, ч. III, л. 1.

мания чувствует, что близок час окончательного ее поражения, близок час возмездия за все содеянные ею правонарушения и жестокости. И вот, подобно тому, как во время превосходства в своих боевых силах над силами своих соседей, Германия внезапно об'явила им войну, так теперь, чувствуя свое ослабление, она внезапно предлагает об'единившимся против нее в одно неразрывное целое союзным державам вступить в переговоры о мире. Естественно, желает она начать эти переговоры до полного выяснения степени ее слабости, до окончательной потери ее боеспособности. При этом она стремится для создания ложного представления о крепости ее армий использовать свой временный успех над Румынией, не успевшей еще приобрести боевого опыта в современном ведении войны. Но если Германия имела возможность об'явить войну и напасть на Россию и ее союзницу Францию в наиболее неблагоприятное для них время, то ныне окрепшие за время войны союзницы, в числе коих теперь находится могущественная Англия и благородная Италия, в свою очередь, имеют возможность приступить к мирным переговорам в то время, которое они сочтут для себя благоприятным. Время это еще не наступило. Враг еще не изгнан из захваченных им областей. Достижение Россией созданных войною задач: обладание Царьградом и проливами, равно как создание свободной Польши из всех трех ее ныне разрозненных областей еще не обеспечено. Заключить ныне мир значило бы не использовать плодов несказанных трудов ваших, геройские русские войска и флот. Труды эти, а тем более священная память погибших на полях доблестных сынов России не допускают и мысли о мире до окончательной победы над врагом, дерзнувшим мыслить, что если от него зависело начать войну, то от него же зависит в любое время ее окончить. Я не сомневаюсь, что всякий верный сын святой Руси, как с оружием в руках вступивший в ряды славных моих войск, так равно и работающий внутри страны на усиление ее боевой мощи или творщий свой мирный труд, проникнут сознанием, что мир может быть дан врагу лишь после изгнания его из наших пределов, — только тогда, когда, окончательно сломленный, он даст нам и нашим верным союзникам прочные доказательства невозможности повторения предательского нападения и твердую уверенность, что самой силою вещей он вынужден будет к сохранению тех обязательств, которые он на себя примет по мирному договору. Будем же непоколебимы

в уверенности в нашей победе, и всевышний благословит наши знамена, покроет их вновь неувядаемой славой и дарует нам мир, достойный ваших геройских подвигов, славные войска мои,—мир, за который грядущие поколения будут благословлять вашу священную для них память.

На подлинном собственною его императорского величества рукою начертано:

„Николай“.

28.

Доклад кн. Голицына Николаю Романову 12 января 1917 года *).

В соответствии с возвышенным державною волею вашего императорского величества в высочайшем приказе армии и флоту указанием о предстоящем по окончании нынешней войны образовании свободной Польши из всех трех ее ныне разрозненных областей, казалось бы необходимым определенным образом разработать основные начала будущего государственного устройства Польши и отношения ее к империи.

Вследствие сего приемлю долг всеподданнейше повергнуть на всемилостивейшее благовоззрение, не благоугодно ли будет вашему императорскому величеству высочайше повелеть образовать, для соображения вышеуказанных вопросов, особое совещание под председательством председателя совета министров, с участием министров: военного, внутренних дел, иностранных дел, финансов, исполняющего обязанности начальника штаба верховного главнокомандующего, председателя законодательных учреждений и государственного секретаря, а равно особо назначенных лиц: бывшего председателя совета министров статс-секретаря Горемыкина и бывшего министра иностранных дел гофмейстера Сазонова.

По выработке означенным совещанием главных начал государственного устройства Польши, и если бы таковые удостоились высочайшего одобрения вашего императорского величества, окончательная редакция польских основных законов могла бы быть возложена на то же совещание,

*) На оригинале доклада надпись: „собственною его императорского величества рукою начертано „С о г л а с е н“. В Царском Селе. 12 января 1917 года. Председатель совета министров Н. Голицын“. Дело канц. сов. мин. об устройстве Польского края, ч. III, л. 3.

с привлечением в оное представителей польского народа, в лице членов государственного совета графа Велепольского и Шебеко, а равно, если сие будет признано желательным, и некоторых членов государственной думы польской национальности.

На приведение в исполнение вышеизложенных предложений приемлю долг всеподданнейше испрашивать высочайшее вашего императорского величества соизволение, при чем осмеливаюсь присовокупить, что в виду нынешнего общего политического положения, работам означенного особого совещания по польскому вопросу было бы желательно придать характер срочности.

Князь Николай Голицын.

Петроград. 12 января 1917 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Показания б. начальника штаба верховного главнокомандующего ген.-от-инфантерии Янушкевича, данные Чрезвыч. Следств. Комиссии *).

Начальником штаба верховного главнокомандующего я был с 19 июля 1914 г. по 21 августа 1915 г. До войны с Германией я великого князя Николая Николаевича видел несколько раз, но совершенно не знал. С 31 июля 1914 г. по 23 августа 1915 г. я с ним ни разу не расставался за исключением 31 августа 1914 г., когда я ездил в Ковну к генерал-ад'ютанту Ренненкампу со служебным поручением. С самого вступления моего в должность на ставке между мною и великим князем установились самые близкие и тесные отношения. Верховный главнокомандующий оказывал мне самое полное доверие и требовал, чтобы все доклады приезжавших на ставку лиц делались предварительно мне, после чего я ознакомливал великого князя с сутью предстоящего доклада прибывшего лица. Почти во всех случаях я присутствовал лично на этих докладах. В этом отношении исключений не делалось даже для б. председателя совета министров И. Л. Горемыкина. Расхождений во взглядах между великим князем и мною не было никогда. Лица, приезжавшие на ставку, как личные знакомые великого князя, имели с ним беседу и не в моем присутствии; так, например, неоднократно князь Владимир Николаевич Орлов, князь Павел Николаевич Енгальцев, генерал Казнаков и граф Владислав Иосифович Велепольский и все лица личной свиты великого князя, в том числе и граф Адам Замойский, посещали великого князя и не в моем присутствии. Обыкновенно дневной чай и вечерний великий князь пил не в моем присутствии, за исключением

*) Дело Чрезв. Следств. Ком. о Польше, л. 469.

дней переездов по фронту. Во время дневных и вечерних чаепитий великого князя и происходили частные беседы в виде отдыха. Все остальное время великий князь всегда был при исполнении служебных обязанностей и находился в своем вагоне, стоявшем на ставке рядом с моим. Гр. Адам Замойский, бывший в начале войны ординарцем при главнокомандующих северо-западным фронтом, а именно, при генералах Жилинском и Рузском, впоследствии, приблизительно с ноября месяца 1914 г., занимал такую же должность при верховном главнокомандующем. Насколько мне известно, великий князь рассчитывал в лице графа Адама Замойского иметь посредника с руководителями польского общества, главным образом, из среды польской аристократии и высшего дворянства. Первоначально, с обнародованием воззвания великого князя к польскому народу от 1 августа 1914 года, замечался в польском обществе сильный подъем и доверие к великому князю. Впоследствии, после некоторых наших боевых неудач, а главным образом после дошедших до ставки сведений о недоброжелательном отношении к полякам некоторых высших чинов местной администрации, как, например, ген. Утгофа и Эссена, состоявших помощниками варшавского генерал-губернатора, первый по полицейской, второй по гражданской части, действиями своими шедших вразрез с воззванием от 1 августа 1914 г., великий князь признал необходимым иметь на ставке лицо из высшего польского общества, могущее правильно освещать взаимоотношения ставки и польского народа. Великий князь считал, что польская аристократия настолько горячо любит свою родину и патриотична, с одной стороны, а с другой, настолько находится в курсе настроений народа, что истинные и доброжелательные намерения великого князя легко будут передаваться в толпу народа в правильном освещении. Великий князь готов был всегда оказывать полное содействие всяким начинаниям польских деятелей и удовлетворять нужды польского народа в пределах своего воззвания от 1 августа 1914 года, и в этом смысле давал всегда необходимые указания как мне, так и главнокомандующим фронтами и варшавскому генерал-губернатору. — Все, что выходило за пределы воззвания, по мнению верховного главнокомандующего, относилось к компетенции центрального правительства или к прерогативам верховной власти. В качестве примера, могу указать отношение великого князя к формированию польских войсковых частей. Первым инициатором осуществления идеи

формирования польских войсковых частей был некий Матушевский, старик на вид, мелкий помещик, явившийся ко мне с рекомендацией ивангородского жандармского генерала князя Микеладзе. Матушевский, ссылаясь на ненависть поляков к пруссакам и на необходимость реального доказательства нерасхождения слов с делами со стороны великого князя, возбудил вопрос об сформировании „польских легионов“, как он выражался, при чем рассчитывал, что под‘ем духа польского народа даст возможность чуть ли не в месячный срок сформировать 500-тысячную вооруженную польскую силу. Для этого, по его заявлению, необходимо было придать этой вооруженной силе специальный характер польских национальных войск, с знаменами, названиями, командным составом и т. п., при условии снабжения их необходимою материальною частью распоряжением ставки. Целью при этом Матушевский ставил полное уничтожение немцев в Восточной Пруссии, как исконных и самых жестоких врагов польского народа. Вековая вражда поляков к немцам, по уверениям Матушевского, гарантировала возможность поднятия такого большого числа людей среди поляков в течение одного месяца. Матушевский при этом заявил мне, что он прислан с этим поручением от видных представителей польского общества, имена коих он не называл, собравшихся в это время в Варшаве, где они ожидали его возвращения из ставки. На мой вопрос, кто именно прислал ко мне Матушевского, он ответил, что лица, приславшие его, пока вынуждены не объявлять своих фамилий, так как отношение к полякам со стороны местной администрации настолько идет вразрез с воззванием великого князя, что, желая притти к нам на помощь после наших неудач в Восточной Пруссии, эти лица вынуждены обсуждать этот вопрос, скрываясь в подполье. Я лично, относясь сочувственно к идее, сообщенной Матушевским, признал ее технически неосуществимой, ни в таком размере ни в такой срок. Что же касается присвоения этим польским частям специфически национального характера, то считал это выходящим за пределы компетенции ставки, что и сказал Матушевскому. После этого я доложил все дело великому князю, который в принципе со мной согласился. Результатом было мое контр-предложение Матушевскому призвать ратников обоих разрядов всего района варшавского генерал-губернаторства, с тем, чтобы допустить прием и невоеннообязанных, т.-е. и не достигших призывного возраста и перешедших таковой, с выделением всех призван-

ных не польской национальности в другие части армии по особому распоряжению. Из призванных же таким образом поляков я предложил сформировать дружину (подчеркиваю этой слово) ополчения на законом установленных основаниях, с тем, чтобы командный состав был взят из армии из лиц польской национальности или хорошо владеющих польским языком. Такое решение вопроса было в пределах власти верховного главнокомандующего; предложение же Матушевского могло быть разрешено только центральным правительством, что и было подчеркнуто мною Матушевскому. Последний заявил, что такое решение не будет отвечать ожиданиям пославших его лиц.—На ваш вопрос об обстоятельствах, предшествовавших обнародованию воззвания 1 августа 1914 г. к польскому народу, отвечаю: После объявления войны и до выезда на ставку, точно день не помню, ко мне в г. Петрограде позвонил б. военный министр генерал Сухомлинов и предложил мне выслушать текст акта к польскому народу, только что заслушанного и одобренного советом министров. Это оказалось воззванием от имени великого князя к польскому народу политического характера. Генерал Сухомлинов просил меня немедленно на память перетелефонировать текст этого акта верховному главнокомандующему, испросив его одобрения и согласия на подписание этого воззвания. Вместе с тем генерал Сухомлинов предупредил меня, что идея воззвания высочайше одобрена, и просил довести об этом до сведения великого князя, указав, что в редактировании этого документа участвовали Сергей Дмитриевич Сазонов и Александр Васильевич Кривошеин. Я немедленно позвонил великому князю, находившемуся в своем имении „Знаменка“, под Петергофом, и, указав на то, что текст воззвания я цитирую на память, и что в редакции есть, по-моему, некоторые неясности, какие именно, теперь не помню, испросил повеления великого князя по этому вопросу. Верховный главнокомандующий, одоблив идею воззвания и смысл его текста, указал, что раз воззвание высочайше одобрено по идее, то, конечно, великий князь исполнит высочайшую волю. Великий князь до моего обращения к нему по телефону о воззвании ничего не знал. Решение великого князя я немедленно же сообщил военному министру. Добавляя, что когда генерал Сухомлинов позвонил мне и прочитал текст воззвания, то при этом он указал, что если великий князь согласен в принципе на это воззвание, то текст его будет окончательно установлен сове-

том министров или же некоторыми избранными им лицами, о чем я при вышеприведенном разговоре по телефону и сообщил великому князю. Самый текст воззвания был представлен мною на подпись великому князю уже на ставке, куда этот текст был доставлен от военного министра при его первом ко мне письме, от 3 августа 1914 г., с просьбою, дабы польский текст воззвания,—насколько помню, был русский и польский тексты,—был подписан великим князем „Mikolaj“, а не „Nikolaj“. Великий князь подписал воззвание согласно желанию генерала Сухомлинова. Текст воззвания, за невозможностью отпечатать его в еще необорудованной типографии штаба ставки, подписанный великим князем, был отправлен для напечатания в Петроград.—На ваш вопрос о дате фактического подписания текста великим князем отвечаю, что факт этот имел место не раньше 4 августа 1914 г. На ваш вопрос, имели ли какое-либо отношение наши союзники к изданию воззвания, отвечаю, что у меня ни с великим князем ни с кем-либо из министров наших или военных агентов союзных держав никогда не было разговора, ни до обнародования воззвания ни после этого, об участии в этом наших союзников в той или иной форме. Я уверен, что это участие не имело места.

По содержанию пред'явленной мне вами телеграммы за подписью кн. Енгальчева на мое имя, от 14 января 1915 г., № 959 (была пред'явлена эта телеграмма), показываю: Арест доктора Завадского и освобождение его в виду произошедшей ошибки в лице, подлежавшем аресту, имел место, по указанию графа Адама Замойского. Арест был вызван имевшимися на ставке сведениями о начавшихся среди польского общества антирусских движениях, грозивших безопасности армии. К концу 1914 года и к началу 1915 года выяснилось путем донесения контр-разведки, военной цензуры, а также информации, доходящих до верховного главнокомандующего через графа Адама Замойского, что в разных местах в тылу армии, в пределах варшавского генерал-губернаторства, возникают тайные общества, имеющие целью вести антирусскую пропаганду и мешать успехам русской армии, а также клонящихся к скорейшему заключению мира. Эти донесения встревожили меня и великого князя и сильно нас угнетали, особенно после того, когда отражение октябрьского наступления немцев на Варшаву давало основание ожидать вполне благоприятного отношения поляков к русской армии. Жела-

нием великого князя быть, в связи с этими тревожными донесениями о польском обществе, ближе к действительным настроениям и течениям в польском обществе в это время и объясняется то обстоятельство, что великий князь приблизил к себе графа Адама Замойского, которого считал искренним и действительным выразителем существовавших в Царстве Польском общественных течений. С этой целью граф Адам Замойский неоднократно командировался в Варшаву для переговоров с представителями польского общества, как, например, с графом Велепольским, князем Любомирским и другими. На ваш вопрос, какой именно гр. Велепольский бывал на ставке, отвечаю. Управляющий Ловичским княжеством граф Велепольский был на ставке, насколько я помню, всего 2 раза во время высочайшего пребывания: зимою 1914 года и весною 1915 года. Что же касается члена государственного совета гр. Сигизмунда Иосифовича Велепольского, то он бывал на ставке чаще, при чем один раз с одним из членов государственной думы, кажется, Дмовским, но это не было в первый приезд графа С. И. Велепольского на ставку. Разговоры велись на тему о будущем устройстве Польши, в зависимости от возможности присоединения к России путем завоевания Галиции и Познани, и внутренних реформах в пределах варшавского генерал-губернаторства до окончания войны. Когда гр. С. И. Велепольский приехал на ставку в сопровождении одного из членов государственной думы, означенного выше, между ними расхождений во взглядах по польскому вопросу не было.

На ваш вопрос, о каком гр. Велепольском показал ген. Клыков в связи с обстоятельствами ареста доктора Завадского (была оглашена соответственная часть показания ген. Клыкова от 1 сентября 1917 г. в г. Москве), отвечаю: Я полагаю, что речь идет о члене госуд. совета гр. Сигизмунде Велепольском, так как с гр. Велепольским, управляющим Ловичским княжеством, я разговоров на политические темы не вел. По содержанию пред'явленной мне вами переписки моей с гр. Г. А. Бобринским по вопросу о созыве совещания польских деятелей в Львове по инициативе профессора Станислава Грабского (была пред'явлена переписка, находящаяся в деле канцел. совета министров о будущем устройстве Польского края и по его текущим делам (часть 1-я), рассказываю. Профессор Грабский, по рекомендации гр. Бобринского, прибыл на ставку, где представил мне свои словесные соображения о русской по-

литике в Галиции. При этом он заявил мне, что он является представителем большей части польского общества занятой нами части Галиции и руководится дружественными отношениями к России. Профессор Грабский старался указать путь курса русской политики в Галиции, который бы довел, по его мнению, до минимума число противников России в занятой части Галиции, при чем проф. Грабский сообщил мне, что в то время в этой части Галиции были течения, нам враждебные,—какие именно, сейчас не помню; называл ли он фамилии отдельных лиц, или нет, я теперь не помню. Личное мое впечатление было таково, что Грабский является серьезным деятелем, к голосу которого нужно прислушиваться. Свое отношение к Грабскому и его проекту созыва польского совещания в Львове я высказал в переписке с графом Г. А. Бобринским, вами мне пред'являемой. На ваш вопрос об отношении великого князя Николая Николаевича к предполагавшемуся в октябре месяце 1914 года приезду б. государя в Варшаву и по пред'явлению вами мне письма князя Владимира Николаевича Орлова, от 24 октября, № 3824, на имя Ивана Логиновича Горемыкина,—отвечаю. Письмо это до пред'явления его вами мне не было известно, но о разговоре великого князя с кн. Орловым на эту тему я припоминаю. Изложенное в письме, по-моему, не расходится в общем с мыслями великого князя. Великий князь считал, что высочайший проезд через Варшаву, без точного установления дальнейшего отношения центрального правительства и верховной власти к польскому вопросу в развитие воззвания от 1-го августа 1914 г., неудобен. Поясню, что великий князь считал, что правительство и особенно тогдашний министр внутренних дел Маклаков не идут по пути воззвания, хотя, как я уже выше указал, это воззвание исходило от совета министров. Такова была точка зрения великого князя на польский вопрос. Сам он на всех докладах кн. Енгальчева подчеркивал необходимость осуществления воззвания на деле, и в связи с этой точкою зрения великого князя на воззвание было, по его приказанию, решено удалить Утгофа и Эссена. На ваш вопрос, поскольку ставка была осведомлена о существовании различных течений в польской общественной и политической жизни,—отвечаю. Непосредственных сведений об этом на ставке не было. Единственными осведомительными источниками были в этом отношении гр. Адам Замойский, генерал-губернатор кн. Енгальчев и его директор канцелярии кн. Леонид Николаевич Оболенский, бывший

до того на ставке начальником моей гражданской канцелярии. Князь Л. Н. Оболенский, по своей должности на ставке, пользовался моим доверием и, в виду неподготовленности кн. Енгальчева к его обширной и ответственной деятельности по управлению краем, был с большим для меня сожалением назначен в Варшаву. На ваш вопрос, известно ли было мне, как начальнику штаба верховного главнокомандующего, что из пределов Царства Польского, в частности из Варшавы незадолго до ее эвакуации, производились массовые аресты молодежи с последующим выселением ее в Россию в качестве арестованных по подозрению в антиправительственной политической деятельности,—отвечаю. Об этом я впервые слышу от вас. На ставке за все время моего пребывания сведений об этом никаких не было. Если бы это было мне известно, то вопрос этот был бы подвергнут подробному обследованию на ставке, так как вообще я лично был против массовых выселений, особенно не связанных с конкретной виновностью выселяемых. Выселение молодежи из Царства Польского, о котором идет речь, могло исходить от генерал-губернатора кн. Енгальчева, вообще проявившего, как это потом мне стало известно, излишнюю нервность в период эвакуации Варшавы. Показание мне прочитано. Записано оно с моих слов правильно.

Генерал-от-инфантерии в отставке

Николай Николаевич Янушкевич.

1 Наблюдающий за производством следственных действий
Ю. Г. Берлянд.

Присутствовал товарищ председателя Комиссии
сенатор *Иванов.*

9-го сентября 1917 г.

2.

**Показания б. начальника канцелярии помощника
варшавского ген.-губернатора по полицейской части
полковн. А. Ф. Палькевича *).**

Александр Францевич Палькевич, 48 лет, православный, полковник, женат, не судился, живу в г. Москве, по М. Молчановке, д. № 1; телеф. 1-74-43.

В должности начальника канцелярии помощника варшавского генерал-губернатора по полицейской части я состою

*) Там же, л. 456.

с 17 января 1915 г. До этого я был помощником начальника петроградского губернского жандармского управления при начальнике генерале Клыкове, впоследствии, а именно в феврале 1914 г., назначенном помощником варшавского генерал-губернатора по полицейской части. Приехав в Варшаву и приняв означенную выше должность начальника канцелярии, я застал дела в канцелярии в большой запущенности, выражавшейся в отсутствии соответствующей установленному порядку регистрации бумаг и вообще в неправильном делопроизводстве. На ваш вопрос о причинах отставки предшественника генерала Клыкова—генерала Утгофа,—отвечаю, что точно они мне не известны, но что в должностной среде в Варшаве говорили, что Утгоф уволен за его немецкую ориентацию.—С генералом Клыковым у меня были хорошие отношения, и к делам по канцелярии помощника генерал-губернатора по полицейской части я стоял очень близко. Бывали случаи, что те или иные секретные документы и бумаги генерал Клыков передавал мне лишь по истечении некоторого времени, но вообще я был в курсе всех секретных дел и к моменту приезда в Москву, после эвакуации Варшавы в июле 1915 года, все дела и документы, кроме оставшихся на руках у генерала Клыкова, были для меня доступны и по содержанию своему известны. Оставшиеся у ген. Клыкова на руках бумаги он мне передал в Москве весной 1916 года. Эти бумаги я распределил по соответствующим делам канцелярии. Эвакуация дел и бумаг нашей канцелярии из Варшавы производилась мною лично. Я утверждаю, что из Варшавы я вывез решительно весь архив и все дела канцелярии помощника генерал-губернатора по полицейской части, так что среди вывезенных есть дело, относящееся еще к тридцатым годам XIX столетия. Все дела, вывезенные приблизительно в 100 ящиках, хранились в большей своей части в нанятом в Москве, в Хамовнической пожарной команде, сарае, а остальные дела находились в помещении канцелярии, по М. Молчановке, д. № 1. В начале марта текущего года в нашу канцелярию явился профессор Устинов и потребовал передачи наших дел ему. Я тогда находился в Петрограде. Мой секретарь по канцелярии, Евстафий Григорьевич Капитонов, титулярный советник, служащий уже давно в учреждениях Царства Польского и в частности в канцелярии генерал-губернатора, передал проф. Устинову ключ от сарая, в котором хранились дела, и опись всех дел. Когда дела были вывезены из этого сарая, кем именно, мне и моему секретарю Капи-

тонову неизвестно. Поясняю, что описи дел по годам были составлены в Варшаве в соответственное время, при чем мне лично пришлось составлять опись за последние года, начиная с 1914 г., и описи дел по ящикам, в которых дела вывозились, были составлены уже в Москве в 1916 г. при моем ближайшем участии. Описи по ящикам составлялись таким образом, что в заголовке листа указывался № ящика, а ниже переименованы были находившиеся в нем дела, с обозначением номера года и названия дела. 27 мая 1917 г. в мою канцелярию явился Николай Александрович Черлунчакевич и еще два каких-то лица, видимо, из ликвидационной комиссии по делам Царства Польского или из комиссии по обеспечению нового строя, и по предъявленному ими ордеру взяли все секретные дела, бывшие у меня в канцелярии и уложенные Н. А. Черлунчакевичем для перевозки, 5-ть или 6-ть ящиков. По весу взятые им дела приблизительно составляли пудов 30. В настоящее время у меня в канцелярии остались лишь хозяйственные дела за последние годы, а из секретных нет никаких. Добавляю, что делам, взятым Н. А. Черлунчакевичем, была составлена особая опись, на подлиннике которой, находящемся у меня, он расписался. Профессор же Устинов расписался лишь в принятии описи дел, и его расписка, хранящаяся в деле № 17 1917 г.— „С перепиской по поводу ликвидации казенных учреждений губерний Царства Польского“, помечена 5 марта 1917 г. На ваш вопрос о причинах массовых арестов и выселений, имевших место в Царстве Польском с начала войны, показываю следующее: аресты производились главным образом по требованию военных властей действующих армий жандармскими чинами, охранным отделением и полицией. Независимо от того, аресты производились также по требованию находившегося в Варшаве при штабе армии, второй или третьей, точно не помню, контр-разведывательного отделения, начальником коего состоял подполковник Муев. Из разговоров с начальниками охранного отделения и варшавского губернского жандармского управления, подполковником Самохваловым и полковником Добровским, я вывел заключение, что большинство арестов, производившихся по требованию означенного контр-разведывательного отделения, было лишено достаточных оснований. Тем не менее, такие аресты, в силу распоряжения военных властей действующих армий (насколько помню, пункта 3-го соответственного приказа), обязывали, поскольку аресты имели место по подозрению в шпионаже в пользу неприятеля, представлять арестован-

ных лиц к высылке в административном порядке. Постановления о сем подлежащие органы направляли на утверждение варшавскому генерал-губернатору. Канцелярия его помощника по полицейской части получала в этих случаях копию этих постановлений, при чем ни самых дел по производству расследований ни решений генерал-губернатора по означенным выше постановлениям в письменной форме в канцелярию помощника его по полицейской части не поступало.— На ваш вопрос о том, не производились ли расследования по непосредственным указаниям генерал-губернатора, отвечаю следующее. За месяц или за два до эвакуации, имевшей место 21 июля 1915 г., я неоднократно получал от генерала Клыкова записки, написанные: одни из них им лично со слов князя Енгальчева во время личного доклада последнему, другие—написанные лично князем Енгальчевым, с рядом фамилий лиц, деятельность которых возбуждала подозрение князя Енгальчева, на предмет расследования этой деятельности. По этим запискам мною отдавались распоряжения начальнику охранного отделения Самохвалову или начальнику подлежащего губернского жандармского управления о производстве расследований. Записки эти представляли собою отрывки бумаги из блок-нота или памятной книжки и содержали ряд фамилий, иногда даже без указания имен и профессий. Составленные лично кн. Енгальчевым записки писались преимущественно черным карандашом и подписаны буквой „Е“, преимущественно с указанием даты. Расследования по всем означенным запискам производились очень спешно, чаще всего в тот же день представлялись по ним ответы генерал-губернатору генералом Клыковым либо в письменной форме (в виде справок преимущественно), либо при личном докладе генерала Клыкова.— На ваш вопрос, не известны ли мне источники сведений, поступавших к князю Енгальчеву, отвечаю следующее. Со слов генерала Клыкова при неоднократной передаче мне означенных записок, я знаю, что князь Енгальчев получал сведения от некоторых польских деятелей при посещении князем Енгальчевым Охотничьего клуба в Варшаве, а также при личных обращениях этих деятелей к князю Енгальчеву в записке. Передавая указанные записки мне для исполнения, генерал Клыков выражал иногда неудовольствие по поводу получения таким путем сведений генерал-губернатором. При этом ген. Клыков выражался: „Вот опять поляки настрочили князя“. Такое отношение генерала Клыкова я объясняю тем, что часть расследований по означен-

ным запискам не давала данных для возбуждения дел, следовательно, источник сведений, по-моему, оказывался неосновательным. Я точно помню, что польских деятелей, дававших сведения князю Енгальчеву, генерал Клыков называл „польской компаньей“. В числе этих лиц генерал Клыков в разговорах со мною называл фамилии, кажется, графа Велепольского, князя Четвертинского, графа ЗамоЙского, Здеховского и других лиц,—каких именно, сейчас не припомню. Эти фамилии я мог слышать также и от полковника Олсуфьева, бывшего штаб-офицером для поручений при князе Енгальчеве. Говорю: „я мог слышать“, потому что полковник Олсуфьев обращался ко мне довольно часто за справками в связи с расследованиями. Добавляю, что более подробные сведения по поводу получения данных князем Енгальчевым от поляков, о которых я выше указал, могли бы дать состоявшие при генерал-губернаторе полковник Олсуфьев, находящийся ныне на фронте в должности генерала для поручений при главном начальнике снабжений армий западного фронта, и ротмистр Игнациус, состоящий на военной службе в Финляндии. Добавляю, что лица, фамилии коих были обозначены на вышеуказанных записках, передававшихся мне генералом Клыковым, принадлежали преимущественно к польской интеллигенции, но не к рабочей среде; весьма вероятно, что среди этих лиц были и журналисты и учащиеся. Число случаев передачи мне таких записок я ныне точно установить не могу, так как в то время мне приходилось наводить массу всевозможных справок, при чем генерал Клыков поручал мне наводить их не только на основании тех данных, которые он получал от генерал-губернатора.—Показание мне прочитано. Записано оно с моих слов правильно.

Полковник *Александр Александрович Палькевич.*

Наблюдающий над следствием Ю. Берлянд.

3.

**Показания б. помощника варшавского ген.-губ. по
полицейской части ген.-лейт. М. Я. Клыкова Чрезв.
След. Комиссии.**

Митрофан Яковлевич Клыков, генерал-лейтенант в отставке, 69 лет, православный, женат, не судился, живу в г. Москве, по Новинскому бульвару, д. № 101 (кн. Щербатова), кв. 2, тел. 1-17-76.

В 1914 году, в июне месяце, ген. Джунковский, б. тогда товарищем м-ра внутр. дел и командиром отдельного корпуса

жандармов, предложил мне в г. Петрограде занять должность помощника варшавского генерал-губернатора по полицейской части, упомянув, что на этот предмет он заручился согласием варшавского ген.-губернатора Жилинского. Я согласился принципиально. 4 ноября того же года я получил в Петрограде от ген. Джунковского телеграмму из Холма о том, что назначение мое на эту должность состоится через две недели, и что я должен буду вступить в эту должность немедленно. В действительности, указ о назначении меня состоялся 2 декабря 1914 г., и 16 декабря я приехал в Варшаву и вступил в должность. При отъезде моем из Петрограда Джунковский мне, между прочим, сообщил, что предшественник мой,—генерал Утгоф,—приказал начальнику варшавского охранного отделения подполковнику Мартынову весь находившийся в распоряжении последнего полицейский архив уничтожить посредством сожжения,—это генерал Джунковский и ставил в вину Утгофу, и, как я думаю, это было ближайшей причиной (или, вернее, импульсом, т. к. причин, повидимому, было много) к удалению Утгофа от должности. Впоследствии я узнал от начальника моей канцелярии полковника Палькевича, что и часть дел канцелярии Утгофа была также сожжена, при чем, какие именно дела и в каком количестве, не было возможности установить, т. к. генералом Утгофом еще при первом наступлении немцев на Варшаву, в 1914 г., дела его канцелярии были вывезены в Москву. Со слов товарища прокурора варшавской судебной палаты Алексея Алексеевича Федорова мне известно, что Утгофом вообще прокуратура, за исключением Жижина, была недовольна, и в частности дело о взрыве автомобиля в 1909 г. варшавская прокуратура считала дутой историей и симуляцией покушения на Утгофа. Кто-то из адъютантов генерал-губернатора, кажется, полковник Олсуфьев, однажды сказал мне, что за случай с автомобилем—Утгофа, вместо того, чтобы выгнать, произвели в генерал-лейтенанты. В должностной среде в Варшаве говорили также о том, что Утгоф на должности помощника генерал-губернатора по полицейской части нажил большое состояние. При сдаче должности Утгоф в денежных счетах за 1914 г. оставил передержку в сумме 2000 руб., которая была в 1915 г. погашена из аванса, отпущенного мне в связи с моею должностью. На расходы по розыску и дознанию, а равно и другие расходы жандармских управлений и охранного отделения в варшавском генерал-губернаторстве отпускался департаментом по-

лиции" определенный ежегодный аванс, размер которого мне в точности неизвестен (обычно присылался приблизительно в размере от 5-ти до 8-ми тысяч), но может быть установлен по отчетности моей канцелярии. Деньги эти хранились в варшавской конторе государственного банка и расходовались по мере надобности. Отчетности в произведенных расходах Утгоф при сдаче должности мне не передавал. Я лично и все чины моей канцелярии, за время занятия мною должности помощника варшавского генерал-губернатора, никаких сумм ни из аванса департамента полиции ни из других авансов не расходовали на розыск, какового при моей канцелярии не существовало. Утгоф, несомненно, вел розыски, помимо жандармских управлений и охранного отделения. Заключаю это из того, что я обратил внимание на переписку, имеющуюся в делах моей канцелярии, по поводу разногласий между Утгофом и помощником Батюшиным,—как я думаю, тем самым, который впоследствии был свидетелем по делу Манасевича-Мануйлова,—из-за некоего Герца, который, как видно из означенной переписки, состоял секретным сотрудником при Батюшине, а раньше был таковым же при Утгофе. Этого Герца Утгоф приказал арестовать и обыскать при возвращении Герца из Германии, куда он был послан Батюшиным, при чем по обыску у Герца был обнаружен составленный Батюшиным реестр различных предметов, которые Герц должен был привезти, по видимому, контрабандным путем. Этот документ, реестр, Утгоф препроводил непосредственному начальству Батюшина. Батюшин служил тогда при штабе варшавского военного округа, по видимому, по контр-разведке. Я лично за 1915 и 1916 г.г. из отпускавшихся мне сумм одновременно возвратил департаменту полиции более 76000 (семидесяти шести тысяч) руб. На ваш вопрос, что собственно я делал по должности помощника варшавского генерал-губернатора по полицейской части,—отвечаю. По-моему, эта должность должна была служить для объединения розыска в крае и производства расследований по делам о политических преступлениях. Я лично считал, что моею обязанностью является строгий контроль над розыскными органами в смысле законности их действий, но не считал себя обязанным создать при себе какой-нибудь особый розыскной орган, помимо жандармских управлений и охранного отделения. Помимо означенного контроля, я лично исполнял разного рода поручения, возлагающиеся на меня генерал-губернаторскою властью и военным начальством. Когда я приехал в Вар-

шаву для занятия должности, во главе края стоял генерал князь Туманов, начальник двинского военного округа. При представлении моем князю Туманову, он дал мне ряд указаний на то, что варшавское охранное отделение, начальником коего был тогда Петр Павлович Мартынов, подполковник, не дает достаточных сведений по шпионажу, что в Варшаве много разных подозрительных личностей, и просил меня обратить на это внимание, как равно и на охрану мостов через Вислу. Князь Туманов давал мне и отдельные поручения. В частности, в моей памяти точно зафиксировался следующий эпизод. В начале января 1915 года князь Туманов вызвал меня по телефону к себе в дом, в котором помещалось Русское собрание, по ул. Новый Свет. Там я застал уже ожидавшего приема подполковника Мартынова. Вскоре мы были приглашены в кабинет князя Туманова. Обратившись ко мне и к Мартынову, князь сказал: „Передаю вам слова главнокомандующего (тогда таковым был генерал Рузский): вы будете преданы суду, ежели 9 января произойдет какой-либо террористический акт“. Затем кн. Туманов дал мне на восьмушке большого листа бумаги записочку, на которой карандашом было записано несколько фамилий: Иосифа Завадского, Дзевульского и других лиц, каких именно,—теперь не помню, но их было всего четверо, и пояснил, что эти лица замышляют какое-то террористическое предприятие по отношению к высокопоставленному лицу; фамилии этого лица кн. Туманов не называл, но я вывел заключение, что это лично относится или к самому Рузскому, или же к великому князю Николаю Николаевичу; на означенной записке, кроме фамилий лиц, о которых выше речь, было обозначено, что Завадский состоит в скорой медицинской помощи, и что подробности ожидаемого террористического акта об'яснит Велепольский. Имени Велепольского на записке не было. „Вы, конечно, немедленно прикажете их арестовать“,—сказал князь Туманов. Я ответил, что, по данным, заключающимся в пред'являемой мне записке, я к такой мере, как арест, прибегнуть не могу. При этом высказал взгляд, что предполагал бы более правильным предварительно установить за подозреваемыми лицами неотступное наружное филерское наблюдение, которое и может показать, насколько эти лица представляются опасными. Князь Туманов, еще раз напомнив мне угрозу судом со стороны главнокомандующего, все-таки согласился с моим мнением. Тут же, уходя от кн. Туманова, я приказал подполковнику Мартынову поставить наружное наблюдение

за означенными 4-мя лицами, а ему—лично немедленно расспросить Велепольского по содержанию записки. Впоследствии оказалось, что он не исполнил точно моего приказания, а именно не лично опросил Велепольского, а послал к нему своего помощника, ротмистра Галемботовского, на что Велепольский обиделся и никаких объяснений по содержанию записки не дал, сказав, что он ничего не знает. Об этом мне доложил Мартынов. На ваш вопрос, о каком Велепольском я говорю, отвечаю. Лично мне известен по внешности тот граф Велепольский,—который заведывал княжеством Ловичским. Относятся ли означенные выше сведения к нему или к другому графу Велепольскому, мне неизвестно. Знаю только, что они относились к графу (подчеркиваю это слова) Велепольскому по следующим соображениям. Однажды исп. д. варшавского губернатора Грессер, Иван Карлович, мне сообщил, что граф Велепольский на меня в большой претензии из-за того, что к нему был прислан для опроса жандармский ротмистр. Претензия эта понятна мне потому, что граф Велепольский состоял в придворном звании. Наружное наблюдение за означенными в записке лицами не давало ничего существенного. Об этом я делал доклад князю Туманову, а затем и приехавшему вскоре в Варшаву помощнику генерал-губернатора по гражданской части сенатору Любимову. Но числа 6-го, приблизительно, января 1915 г. я получил шифрованную телеграмму от ген. Джунковского из Петрограда с категорическим требованием арестования всех четырех выше означенных лиц. Оговариваюсь, быть может, в этой телеграмме упоминался, кроме этих четырех лиц, кто-либо еще. Об этой телеграмме я доложил сенатору Любимову и сделал распоряжение к исполнению телеграммы начальнику охранного отделения через обер-полицмейстера. Лица, указанные выше, были арестованы у себя на квартире в ночь на 7-е, кажется, января. Насколько помню, на следующий день прибыл в Варшаву вновь назначенный генерал-губернатор князь Енгальчев. При первом же докладе в день его приезда я подробно доложил все обстоятельства, предшествовавшие этому аресту, и высказал мнение о совершенной ненужности ареста, т. к. арестованные лица, по имевшимся у меня сведениям, не могли принять участия в террористическом акте по своему положению в обществе и характеру всей своей предшествовавшей деятельности. Кн. Енгальчев, хотя видел меня тогда в первый раз в жизни, повидимому, находился под впечатлением моего доклада и, несомненно,

принял меры к освобождению арестованных. 9 января, как я был уверен, никакого террористического акта не произошло, и того же 9 января, и во всяком случае, не позже 10-го января, Иосиф Завадский и другие лица,—все ли четверо, не помню,—были освобождены из тюрьмы, при чем генерал-губернатор поручил присутствовать при освобождении сенатору Любимову, желая этим оказать арестованным невинно свое уважение. Впоследствии, при личном свидании с Джунковским, кажется, в марте 1915 г., в ставке он мне говорил, что распоряжение свое об аресте Иосифа Завадского и других он должен был сделать по категорическому требованию, полученному из ставки по телеграфу. Мне было тогда известно, что при великом князе Николае Николаевиче в ставке состоит Замойский, граф, корнет. На ваш вопрос, не давал ли мне кн. Енгальчев по вступлении его в должность генерал-губернатора полученных по проверке поступивших к нему лично сведений о тех или иных подозреваемых лицах по шпионажу, по взяточничеству и по политической неблагонадежности,—отвечаю. Общие сведения кн. Енгальчев давал мне довольно часто. (Была оглашена часть показания свидетеля, полковника Палькевича, опрошенного 29 сего августа, начиная от слов: „За месяц или за два до эвакуации“ и кончая словами: „добавляю, что более подробные сведения по поводу получения данных...“). Оглашенную часть показания Палькевича я подтверждаю, внося следующий корректив. Кто именно из польских деятелей давал сведения князю Енгальчеву, я не знаю. Князь Енгальчев мне источников не указывал. Полковник Палькевич мог знать эти фамилии скорее всего от полковн. Олсуфьева, который, несомненно, был в курсе всех дел кн. Енгальчева, т. к. присутствовал при всех приемах в замке и ездил всегда с князем Енгальчевым. Но я знаю, что князь Енгальчев охотно сближался с польскими деятелями, встречаясь с ними как в Охотничьем клубе, так и по их приглашениям у них, а равно приглашая их к себе в замок. Я имею в виду преимущественно польскую аристократию. Внося этот корректив в показание свидетеля Палькевича, я в остальной части подтверждаю то, что вы мне огласили. На ваш вопрос, известны ли мне политические взгляды графа Замойского, отвечаю, что он, как и вся польская аристократия, является чистейшим народным демократом. На ваш вопрос о влиянии военных властей на возникновение дел о шпионаже—показываю следующее. Разными военными начальниками, начиная от самых мелких, задерживались в войсковом

районе на театре военных действий заподозренные этими начальниками в шпионаже или благоприятствовании неприятелю разные лица арестовывались и при записках отправлялись к ближайшим начальникам жандармских управлений с зачислением за ними под стражу и на распоряжение. В большинстве случаев не представлялось возможности ни проверить личность ни опросить свидетелей, т. к. задержанные приведены были из местностей, преимущественно занятых уже неприятелем. Расследование в таких случаях не могло производиться, а освобождать задержанных нельзя было во избежание нареканий со стороны военных властей. Если расследование производилось и не давало никаких данных к привлечению в качестве обвиняемого, то и в этом случае освобождение не могло иметь место в виду категорического требования пункта 3-го циркуляра высших военных властей от начала сентября 1914 года.

На ваш вопрос об отношении помощника варшавского генерал-губернатора по полицейской части к организации по перлюстрации корреспонденции—отвечаю. Я лично на этой должности, как и моя канцелярия, никакого отношения к перлюстрации не имел. Я знаю, что неизвестный мне господин обратился к начальнику моей канцелярии, полковнику Палькевичу, за получением какого-то вознаграждения за труды по обслуживанию заграничной корреспонденции, каковое он, повидимому, получал. Палькевич доложил мне об этом, и я отверг как услуги этого господина, так и отклонил ходатайство его о вознаграждении. Мне известно, что в памятной книжке варшавского обер-полицмейстера за 1914 или 1913 года последнего выпуска значится в числе учреждений в Варшаве и какое-то учреждение по иностранной цензуре. Быть может, оно имело отношение к перлюстрации. Никаких точных сведений о перлюстрации у меня нет, и я ее не признавал. Показание мне прочитано. Записано оно с моих слов правильно.

Генерал-лейтенант *Митрофан Яковлевич Клыков.*

Наблюдающий за производств. следств. действий *Ю. Берлянд.*

Примечания.

К стр. 3. 1—14 августа 1914 г. было опубликовано следующее воззвание за подписью верховного главнокомандующего в. кн. Николая Николаевича:

„Поляки! Пробил час, когда заветная мечта ваших отцов и дедов может осуществиться.

Полтора века тому назад живое тело Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ее. Она жила надеждой, что наступит час воскресения польского народа, братского примирения его с Великой Россией.

Русские войска несут вам благую весть этого примирения. Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ! Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя! Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении.

Одного ждет от вас Россия,—того же уважения к правам тех народностей, с которыми связала вас история!

С открытым сердцем, с братски протянутой рукой идет вам на встречу Великая Россия. Она верит, что не заржавел меч, резавший врага при Гринвальде.

От берегов Тихого океана до северных морей движутся русские рати. Заря новой жизни занимается для вас.

Да воссияет в той заре знамение креста—символа страдания и воскресения народов!

Верховный главнокомандующий

Генерал-ад'ютант Николай“.

К стр. 12. В октябре—ноябре 1914 г. русские войска заняли не только всю Восточную Галицию, но и значительную часть Западной и стояли в нескольких верстах от крепости Краков.

К стр. 20. На Берлинском конгрессе 1878 г. соединенными усилиями европейских держав, возглавляемых Англией, Россия была лишена значительной части плодов своей победы над турками, обеспеченных ей сан-стефанским миром.

К стр. 21. На Венском конгрессе 1815 г., на котором ликвидировалась произведенная Наполеоном перекройка Европы и, между прочим, созданное им „герцогство варшавское“, Александр I стремился к объединению под своим владычеством возможно большего количества польских земель. Талейран же, защищая в интересах Франции, самостоятельность и целостность территории Саксонии от посягательств Пруссии, хотел компенсировать Пруссию передачей ей возможно большей части Польши. В результате победила на три четвертых точка зрения Талейрана—в переданное России Царство Польское не вошла вся Познанская провинция, входившая в состав княжества варшавского. Английский делегат на конгрессе Кэстльри в общем способствовал проведению плана Талейрана.

К стр. 30. 6 октября 1908 г. Австро-Венгрия циркуляром министра иностранных дел д'Эренталя к дипломатическим представителям монархий провозгласила аннексию Боснии и Герцеговины, оккупированных ею на основании Берлинского трактата 1878 г. В связи с сильным возмущением, вызванным этой аннексией в Сербии, надеявшейся на поддержку России, министр иностранных дел Извольский потребовал созыва конференции держав, подписавших Берлинский трактат. Но на совещании русских министров 21 января 1909 г. выяснилась полная невозможность для России ввязаться в военную авантюру. И когда 21 марта германский посол в Петербурге Пурталес сообщил официально, что в случае, если Россия поддержит активно Сербию против Австро-Венгрии, Германия станет на сторону Австро-Венгрии, русское правительство капитулировало и посоветовало Сербии уступить.

К стр. 32. В октябре 1912 г. балканские государства—Болгария, Сербия, Черногория и Греция объявили войну Турции и после ряда успешных операций заняли большую часть Европейской Турции. 5-го ноября австро-венгерский министр иностранных дел гр. Берхтольд произнес в Будапеште речь, подчеркивавшую интересы Австро-Венгрии, задетые победами союзников; одновременно происходила концентрация австро-венгерских войск в Галиции и параллельное передвижение русских войск к границе. Вплоть до января 1913 г. над Европой висела опасность грандиозной войны, продолжались демонстративные бряцание оружием в Петербурге в защиту Сербии и Черногории. Тем временем заключенное 3 декабря 1912 г. перемирие с Турцией было сорвано, после безуспешных переговоров о мире, 3 февраля 1913 г., и только в марте возобновились переговоры, закончившиеся 30 мая Лондонским миром. Однако при дележе добычи возникли споры между Болгарией и союзниками, и после безуспешной попытки арбитража со стороны русского царя 29 июня Болгария начала военные действия против Сербии и Греции, к которым присоединилась и Румыния. Эта вторая балканская война окончилась военным разгромом Болгарии и миром, заключенным 10 августа в Бухаресте. Последовал ряд мирных договоров между отдельными балканскими государствами и Турцией.

К стр. 43. Ген.-губ. Енгальчев предполагаемой речи не произнес.

К стр. 65. Предполагаемый приезд Николая Романова в Варшаву не состоялся.

К стр. 67. После подавления польского восстания 1830/31 гг., в начале 1832 г. был издан Николаем т. наз. „Органический статут“, который гарантировал Царству Польскому отдельное законодательство и отдельную администрацию, свободу вероисповеданий, свободу печати, равенство всех перед законом, неприкосновенность собственности и личности, местное самоуправление, а также—в ближайшем будущем законосовещательное народно-представительное учреждение. Все эти обещания остались однако мертвой буквой. Осуществлены были лишь те статьи Органического статута, которыми уничтожались прежние конституционные гарантии и которые стремились к органическому слиянию Царства с империей. После восстания 1863-64 гг. рескрипт Александра II сулил Царству Польскому также восстановление ряда свобод и прав, но на деле и этот рескрипт был лишь вступлением к полному истреблению всех остатков гражданских и национальных прав польского народа.

К стр. 67. В начале польского восстания 1863 г. была заключена прусско-русская военная конвенция (8 февраля 1863 г.) с целью подавления восстания (повстанцы, переходившие прусскую границу, должны были выдаваться русским властям). По поводу этой конвенции Англия обратилась к России с нотой-протестом, ссылаясь на постановление венского трактата 1815 г.; Наполеон III, со своей стороны, обратился

к Александру II с письмом, в котором отстаивал необходимость проведения в польском вопросе защищаемого им в его тогдашней внешней политике (Италия) „принципа национальностей“. Когда на оба эти шага Россией не было обращено никакого внимания, кн. Меттерних, австрийский посол в Париже, был отправлен в Вену с предложением австрийскому правительству приступить к совместным дипломатическим действиям. 10 апреля 1863 г. Англия, Франция и Австрия обратились коллективно в Петербург с представлениями по польскому вопросу. К этому дипломатическому вмешательству присоединился ряд других государств (Италия, Испания, Швеция, Дания, Голландия, Португалия, Турция и папский престол). 17 июня последовала новая нота с рядом конкретных требований. Все эти требования были резко отклонены русским правительством.

К стр. 96. 21-го августа н. ст. 1914 г. в государственной думе депутат Виктор Яронский огласил от имени польского коло декларацию, провозглашавшую тождество интересов Польши и России в начинающейся войне между славянским и германским миром. Подобная декларация была оглашена в тот же день в государственном совете членом его А. Мейштевичем.

9-го февраля 1915 г. в новой декларации депутата Яронского в гос. думе говорилось между прочим: „В момент наивысшего напряжения нынешней тяжелой войны, несмотря на все жертвы и страдания, следует думать и говорить только об одном: как напрячь всю энергию и все силы, чтобы сломить угрожающее всем славянам могущество Германии. Мы (поляки) знаем, что полное разрешение отношений Польши и России возможно только после окончания войны“.

Указатель имен.

- Алексеев Михаил Васильевич**, в начале войны начальник штаба юго-зап. фронта, затем главнокомандующий западным фронтом, после перемены верховного командования в авг. 1915 г. нач. шт. верх. главнокомандующего; после февральской революции был некоторое время верховным главнокомандующим, после Октябрьского переворота стал на Дону во главе белых, где вскоре умер.
- Батюшин**, офицер, заведующий контр-разведкой при штабе варшавского военного округа.
- Берлянд Ю. Г.**, петроградский (ныне варшавский) присяжный поверенный, наблюдающий за производством следственных действий в Чрезвычайной Следственной Комиссии, учрежденной временным правительством в 1917 г.
- Бетман-Гольвег**, германский имперский канцлер.
- Бриан**, французский министр, ренегат социализма.
- Буржуа Леон**, французский радикально-буржуазный политик, пацифист, во время войны ярый сторонник войны, председатель сената.
- Бобринский Г. А.**, гр., в 1915 г. временный военный генерал-губернатор оккупированной русскими войсками Галиции.
- Борис Владимирович**, в. кн., сын Владимира Александровича, сына Александра II.
- Брусилов Алексей Алексеевич**, в начале войны командующий VIII корпусом, затем главнокомандующий юго-западным фронтом; вскоре после февральской революции сменил Алексеева на посту верховного главнокомандующего. В 1920 г. председатель особого совещания при главкоме Красной армии. В настоящее время главный инспектор коннозаводства.
- Велепольский Владислав**, граф, польский аристократ, близкий к придворным сферам.
- Велепольский Сигизмунд**, граф, председатель польского коло в государственном совете.
- Веселаго**, член совета министров в 1916 г.
- Волжин А. Н.**, обер-прокурор синода в 1916 г., ставленник Распутина.
- Гарусевич Ян**, член государственной думы, национал-демократ.
- Герман Людомил**, галицийский (краковский) политический деятель, демократ.
- Герц**, сотрудник русской контр-разведки.
- Глобачев**, ген.-майор, начальник петроградского охранного отделения.
- Гломбинский Станислав**, проф. полит. экономии в Львов. унив., вождь галицийских социал-демократов, б. депутат австрийского парламента, во время войны—руссофильской ориентации. Ныне депутат польского сейма, в 1923 году заместитель председателя совета министров в кабинете Витоса.
- Голицын Николай Дмитр.**, кн., последний председатель совета министров (с начала января 1917 г.).

- Горемыкин Иван Логгинович, с 1895 по 1899 г. министр внутренних дел, крайний правый, в 1915/16 председатель совета министров, 6 февраля 1916 г. заменен Штюмером.
- Госцинский Юрий, депутат государственной думы, ныне депутат польского сейма, помещик, национал-демократ.
- Грабский Владислав, внепартийный национал-демократ, депутат государственной думы, ныне депутат польского сейма, дважды председатель польского совета министров: в июне—июле 1920 г. и с декабря 1923 г. (после падения кабинета Витоса). В качестве министра фин. провел в 1924 г. стабилизацию польской валюты.
- Грабский Станислав, проф. полит. экономии в Львове. В юности социал-демократ, затем ппс-овец, впоследствии один из вождей социал-демократов. Во время войны и русской оккупации Галиции ярый руссофил, вместе с русской армией эвакуировавшийся в Россию. Депутат сейма, министр народного просвещения в кабинете Витоса 1923 г. Член делегации по заключению мирного договора с Сов. Россией в Риге (1921 г.), ныне делегат польского правительства в Ватикане по заключению конкордата с папой.
- Грессер И. К., и. д. варшавского губернатора в 1914—15 гг.
- Григорович, адмирал, морской министр в 1916 г.
- Дашинский Игнатий, вождь польских социал-патриотов (П. П. С.). До войны лидер галицийской социал-демократии, один из виднейших депутатов австрийского парламента. Во время мировой войны ярый представитель „австрийской“ ориентации, сподвижник Пилсудского. Ныне депутат польского сейма, летом 1920 г., во время наступления Красной армии заместитель председателя совета министров (Витоса); стоит на правейшем фланге партии, злейший враг Сов. России.
- Джунковский Владимир Федорович, с 1901 г. адъютант московского генерал-губернатора, в 1905 г. московский губернатор, в 1913 г. тов. министра внутренних дел и командир отдельного корпуса жандармов.
- Дзевульский Стефан, польский буржуазный экономист, во время германской оккупации „активистический“ политический деятель.
- Домовский Роман, крупнейший буржуазный польский политик, вождь национал-демократической партии. В 1904 году ездил в Японию, чтобы расстроить попытку Пилсудского получить японскую поддержку для повстанческо-сепаратистских планов в Польше; в 1905 году, после октября, предлагал премьеру Витте содействие в подавлении революции в Польше. Лидер польского коло в гос. думе. Еще до войны проповедывал „руссофильскую“ ориентацию в Польше на славянофильской подкладке и общий антигерманский фронт (см. его книгу „Германия, Россия и Польша“, русский перевод).
- С началом войны активно действовал в этом духе в Петрограде, затем в Лондоне и Париже. В независимой Польше, в первый период, хотя и был депутатом учредительного сейма, играл как идеолог крупной капиталистической и помещичьей буржуазии менее видную политическую роль вследствие перевеса мелко-буржуазной и крестьянской стихии. В период второго сейма был несколько месяцев министром иностранных дел (октябрь—декабрь 1923 г.) в кабинете Витоса (блок кулаков с помещиками и капиталистами). В 1924 г. опубликовал книгу „Как строили Польшу“, освещающую польский вопрос в эпоху мировой войны и версальского договора.
- Добецкий Евстафий, член государственного совета, „реалист“ („партия реальной политики“ — крупно-буржуазная и помещичья-консервативная партия).
- Дымша Людомир, член государственной думы, национал-демократ.
- Домбровский, полковник, начальник охранного отделения варшавского губернского жандармского управления.
- Енгальчев Павел Николаевич, кн., ген. - лейт., б. военный агент в Берлине, и. д. дворцового коменданта, начальник академии гене-

- рального штаба, с января 1915 г. варшавский генерал - губернатор, назначенный на смену кн. Туманова для проведения более „либерального“ по отношению к полякам курса.
- Жижи н, тов. прокурора варшавской судебной палаты, автор годичных обзоров револ. движ. в Польше.
- Жилинский Яков Григорьевич, с 1911 по 1914 г. варшавский генерал-губернатор, с объявлением войны главнокомандующий северо-западным фронтом, смнен после неудач в Восточной Пруссии.
- Завадский Юзеф, варшавский врач, национал-демократ, во время войны с австрофильским уклоном.
- Зайковский Юзеф, львовский ксендз, христианский демократ.
- Замойский Адам, гр., польский аристократ, во время войны ординарец при главнокомандующем северо-западным фронтом, „осведомитель“ царских властей.
- Здзекровский Мариан, профессор краковского университета, славянофил и мистик.
- Иванов, сенатор, тов. председателя Чрезвычайной Следственной Комиссии при временном правительстве 1917 г.
- Игнатъев П. Н., гр., с января 1915 г. (после смерти Кассо) министр народного просвещения, слывший либералом.
- Игнациус, ротмистр, состоявший при варшавском ген.-губ. Енгальчеве.
- Извольский Александр Петрович, министр иностранных дел с 1906 по 1910 год, затем посол в Париже.
- Казнаков, генерал, в 1907—8 г.г. лодзинский военный генерал-губернатор, во время мировой войны один из близких людей в. кн. Николая Николаевича.
- Кассо Л. А., министр народного просвещения, крайний правый, умер в январе 1915 г.
- Кашница Станислав, профессор, видный львовский национал-демократ, ныне польский сенатор.
- Кемпнер Станислав, экономист, долголетний редактор либерально-прогрессивной „Новой Газеты“, во время войны австрофил.
- Кыков, М. Я., ген.-лейт., помощник варшавского генерал-губернатора по полицейской части.
- Кривошеин А. В., министр земледелия, заменен в ноябре 1915 г. Наумовым.
- Крыжановский, статс-секретарь, прославившийся в 1907 г. как специалист по сочинению избирательных законов.
- Лео Юлий, президент города Кракова, демократ, председатель польского кола в австрийском парламенте.
- Любомирский Андрей, кн., представитель восточно-галицийской крупно-помещичьей консервативно-польской партии „подоляков“.
- Любомирский Станислав, кн., польский аристократ и консерватор.
- Любимов, сенатор.
- Лемпицкий Михаил, член государственной думы, внепартийный национал-демократ, с начала войны перекинувшийся к ярым австро и германофилам, работавший в оккупированной Польше.
- Макаров А. А., министр юстиции после А. А. Хвостова.
- Маклаков Николай Александрович, крайний реакционер, с 1909 по 1912 г. черниговский губернатор, затем по июнь 1915 г. министр внутренних дел.
- Манасевич-Мануйлов, сотрудник „Нового Времени“ под псевдонимом „Маска“ и агент охраны, авантюрист, был назначен Штурмом (председ. совета министров) в октябре 1916 г. начальником его канцелярии и, спустя несколько месяцев, арестован за мошеннические проделки.
- Мартынов П. П., подполковник, начальник варшавского охранного отделения.

- Микеладзе кн., начальник ивангородского жандармского управления.
- Матушевский, автор проекта организации „польских легионов“ при русской армии.
- Марек Сигизмунд, краковский адвокат, ппс-овец, депутат австрийского парламента, ныне депутат польского сейма.
- Муравьев Н. К., московский присяжный поверенный, председатель Чрезвычайной Следственной Комиссии, учрежденной временным правительством в 1917 году.
- Нератов А. А., тов. министра иностранных дел, временно управляющий министерством с ноября по декабрь 1916 г.
- Николаенко, член совета министров в 1916 г.
- Николай Николаевич, в. кн., дядя Николая II, с начала мировой войны верховный главнокомандующий; в августе 1915 г. после общего отступления на фронте верховное командование взял на себя Николай II, отправив Н. Н. на Кавказ в качестве наместника.
- Оболенский Л. Н., кн., управляющий канцелярией варшавского генерал-губернатора.
- Олсуфьев, полковник, штаб-офицер при кн. Енгальчеве, варшавском генерал-губернаторе.
- Орлов, В. Н., кн., из свиты в. кн. Николая Николаевича.
- Павлиновский Михаил, литератор, галицийский национал-либерал.
- Палеолог, французский посол в Ленинграде до 1917 г., ультраправый, доверенное лицо Пуанкаре.
- Палькевич, А. Ф. полковник, начальник канцелярии помощника варшавского генерал-губернатора по полицейской части.
- Парчевский Альфонс, член государственной думы, внепартийный национал-демократ, во время оккупации „активист“ - австрофил, ныне ректор польского виленского университета.
- Патек Станислав, варшавский присяжный поверенный, до революции 1917 г. защитник по политическим делам, во время войны умеренный активист, в 1920 году министр иностранных дел, ныне польский посол в Японии.
- Пининский Леон, гр., представитель консервативной партии „подоляков“ (см. выше Любомирский Андрей).
- Покровский Н. Н., государственный контролер, затем последний министр иностранных дел при Николае II (после ухода Штюмерера с этого поста), тов. председателя военно-промышленного комитета.
- Пшигорский, львовский национал-демократ.
- Ренненкампф фон, Павел Карлович, в 1906 году прославился своей карательной экспедицией по Сибирской железной дороге, в начале кампании 1914 г. командующий 1-й армией.
- Риттих А. А., министр земледелия с ноября 1916 г. (после А. А. Бобринского).
- Розвадовский Ян, доцент львовского ун-та, национал-демократ.
- Рузский Николай Владимирович, с начала войны командовал III армией, затем главнокомандующий северным фронтом.
- Рухлов С. В., с 1909 г. министр путей сообщений, ушел в отставку в конце октября 1916 г.
- Ридль Эдмунд, львовский купец, представитель мещанской партии.
- Самохвалов, полковник, начальник варшавского охранного отделения.
- Сазонов Сергей Дмитриевич, министр иностранных дел (после отставки Извольского), с ноября 1910 по июль 1916 г. (заменен Штюмерером). Назначен послом в Лондон в начале царским, затем временным правительством (при Львове—Милюкове), впоследствии министр иностранных дел Колчака с местопребыванием в Париже.
- Скарбэк Александр, гр. видный, галицийский национал-демократ, во время войны руссофил.

- Сливинский Ипполит, львовский прогрессивный демократ, во время войны австрофил, ныне депутат варшавского сейма, примыкающий к левой фракции „любовцев“ (крестьяне-средняки).
- Стейнхаус Игнатий, краковский консерватор.
- Сухомлинов Владимир Александрович, с 1909 по 1915 г. военный министр, в июле 1915 г. уволен по настоянию государственной думы. После февральской революции арестован и приговорен к заключению в крепости за недостаточную подготовку армии к войне.
- Таубе, барон, тов. министра народного просвещения.
- Трепов А. Ф., крайний правый, предпоследний председатель совета министров (с ноября 1916 г. по январь 1917 г.).
- Туманов, кн., в 1914—15 г. г., варшавский генерал-губернатор, сменил кн. Енгальцевым.
- Устинов, проф. юрист.
- Утгоф, генерал, помощник варшавского генерал-губернатора по полицейской части.
- Федоров А. А., тов. прокурора варшавской судебной палаты.
- Федорович Ян-Ианеты, краковский демократ.
- Харитонов, государственный контролер по осень 1915 г.
- Хауснер Артур, инженер, львовский ппс-овец, крайне правого толка, ныне депутат польского сейма.
- Хвостов А. Н., б. нижегородский губернатор, с сентября 1915 г. министр внутренних дел, уволен в 1916 г. в связи с подготовлявшимся им покушением на Распутина.
- Хвостов А. А., министр юстиции в 1916 г.
- Худец Юзеф, львовский типографский рабочий, ппс-овский депутат австрийского парламента, умер во время войны.
- Ценский Тадеуш, представитель восточно-галицийской консервативной партии „центрум“, близкой к национал-демократам, ныне польский сенатор.
- Чарторьский Витольд, кн., один из руководителей группы „центрум“ (см. Ценский).
- Черлунчакевич Н. А., присяжный поверенный, старый коммунист.
- Штюрмер Борис Владимирович, председатель совета министров с февраля 1916 г. (после И. А. Горемыкина), министр внутренних дел с июня министр иностранных дел, ставленник Распутина, крайний реакционер (старый сотрудник Плева), германофил, — был уволен в конце ноября 1916 г.
- Шебеко Игнатий, член государственного совета, представитель крупно-капиталистических кругов, ныне депутат польского сейма.
- Шуваев Д. С., с марта 1916 г. военный министр.
- Щегловитов Иван Григорьевич, министр юстиции по июнь 1916 г., крайний правый.
- Эссен, помощник варшавского генерал-губернатора по гражданской части, смещен в ноябре 1914 г.
- Яворский Владислав-Леопольд, профессор краковского университета, консерватор, председатель Главного Национального Комитета, центра австрофильской ориентации в первый период войны.
- Янушкевич Николай Николаевич, начальник штаба верховного главнокомандующего с начала войны до смены верховного командования в августе 1915 г., когда был назначен помощником наместника на Кавказе (в. кн. Николай Николаевич —наместником).
- Яронский Виктор, национал-демократ, член государственной думы, прочитавший в ней 26 июля (ст.ст.) 1914 г. верноподданническое и патриотическое заявление от имени польского кола.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

П р е д и с л о в и е	Стр. 3
О т р е д а к ц и и	8

I.

1. Записка Маклакова, Кассо и Щегловитова „О схеме будущего устройства Польского края“	9
2. „Соображения министра иностранных дел“ (Сазонова)	10
3. Черновой протокол заседаний совета министров от 5-го, 12 и 15 ноября, посвященных прениям по вопросу об устройстве Польши	12
4. Мемория совета министров 20 и 30 октября и 5, 12 и 15 ноября 1914 года	16
5. „Особое мнение“ меньшинства совета министров (Щегловитова, Таубе и Маклакова)	19
6. Заключение главнокомандующего	23

II.

7. Секретное отношение начальника штаба верховного главнокомандующего председателю совета министров Горемыкину и приложения: докладная записка проф. С. Грабского, письма военного ген-губ. Галиции, графа Бобринского Н. Н. Янушкевичу. Письмо проф. С. Грабского гр. Г. А. Бобринскому и переписка Г. А. Бобринского и Н. Н. Янушкевича	25
---	----

III.

8. Особый журнал совета министров 18 февраля 1915 года	40
9. Секретное отношение начальника штаба верховного главнокомандующего председателю совета министров от 14 марта 1915 г.	47
10. Секретное отношение варшавского генерал-губернатора кн. Енгальчева председателю совета министров И. Л. Горемыкину от 8 апреля 1915 г.	49
11. Записка гр. Сигизмунда Велепольского от 27 апреля 1915 г.	50
12. Записка гр. Владислава Велепольского от 19 мая 1915 г.	53
13. Протокол совещания по вопросу об устройстве Польского края 21 мая 1915 г.	60

IV.

14. Доклад варшавского охранного отделения министру внутренних дел от 16 мая 1916 года за № 129.	78
--	----

15. Памятная записка министра иностранных дел С. Д. Сазонова от 17 апреля 1916 года, с приложением основных постановлений устава о государственном устройстве Царства Польского	85
16. Письмо посла в Париже Извольского на имя министра иностранных дел С. Д. Сазонова от 25 апреля 1916 г.	94
17. Всеподданнейший доклад Б. В. Штюрмера Николаю Романову по поводу письма Извольского	98
18. Записка кн Любомирского Николаю Ром. в мае 1916 г.	101
19. Доклад Б. В. Штюрмера Николаю Романову по поводу „записки“ князя Любомирского	104
20. Письмо временно управляющего мин. иностр. дел А. А. Нератова на имя Б. В. Штюрмера от 9 июля 1916 г. с приложением всеподданнейшей докладной записки временно управляющего мин. иностр. дел А. А. Нератова от 6 июля 1916 г. и проекта манифеста о будущем устройстве Польши, составленного Крыжановским	108
21. Секретное письмо главнокомандующего армиями юго-западного фронта А. А. Брусилова на имя начальника штаба верховного главнокомандующего М. В. Алексева от 16 июня 1916 г.	113
22. Письмо М. В. Алексева на имя Б. В. Штюрмера от 22 июня 1916 г.	113
23. Особый журнал совета министров 13, 16 и 18 июля 1916 г. с приложением проекта манифеста большинства членов совета министров	114
24. Всеподданнейший доклад Б. В. Штюрмера в июле 1916 г.	125
25. Шифрованная телеграмма Б. В. Штюрмера Николаю Ром.	126
26. Показания, данные князем С. Е. Любомирским Чрезвычайной Следственной Комиссии	126

V.

27. Приказ армии и флоту 12 декабря 1916 г. № 870	130
28. Доклад кн. Н. Голицына Николаю Ром. 12 января 1917 г.	132

П р и л о ж е н и я.

1. Показания быв. начальника штаба верховного главнокомандующего ген.-от-инф. Янушкевича, данные Чрезвычайной Следственной Комиссии	137
2. Показания быв. начальника канцелярии помощника варшавского ген.-губернатора по полицейской части полковника А. Ф. Палькевича	144
3. Показания быв. помощника варшавского ген.-губернатора по полицейской части ген.-лейт. М. Я. Клыкова, данные Чрезвычайной Следственной Комиссии	148
П р и м е ч а н и я	155
У к а з а т е л ь и м е н	158

